

СТЕКЛЯННЫЙ УГОРЬ

НЕОБЫЧНЫЙ АТМОСФЕРНЫЙ ТРИЛЛЕР

ДЖ. ДЖ. ФИРТЕЛ

Территория лжи

Дж. Дж. Фиртел

СтеклЯнный угорь

«Азбука»

2025

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Фиртел Д.

Стеклянный угорь / Д. Фиртел — «Азбука»,
2025 — (Территория лжи)

ISBN 978-5-389-33245-4

У побережья штата Мэн расположен небольшой остров, где в основном живут рыбаки. Именно здесь Джанет Кинг, честная рыбачка, которая занимается продажей крабового мяса, пытается свести концы с концами, что стало еще труднее после развода с непутевым Саймоном. Когда посреди туманной ночи ее будит громкий звук, она с удивлением узнает двигатель их с мужем баркаса. Вот только самого Саймона на борту не оказывается... Но тут неблагополучный юнец Джои Пицио передает Джанет крупную сумму – вроде как для Саймона. Дальше проблемы нарастают как снежный ком: зловещий делец Беннет Тайсон требует вернуть деньги, а вскоре Джанет обнаруживает в ручье полузатопленный труп Джои. По мере развития сюжет захватывает все больше ярких персонажей, поскольку преступная схема простирается до самых высоких кабинетов, вплоть до губернатора. Кто же убил Джои? Кто вмешивается в легальный бизнес по ловле угря? И куда подевался Саймон?

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-33245-4

© Фиртел Д., 2025

© Азбука, 2025

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	13
Краб	16
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дж. Дж. Фиртел Стеклянный угорь

J. J. Viertel
THE GLASS EEL
Copyright © J. J. Viertel, 2025
All rights reserved

© J. J. Viertel, 2025
© А. В. Александров, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

* * *

ДЖ. ДЖ. ФИРТЕЛ

СТЕКЛЯННЫЙ
УГОРЬ

Издательство «Иностранка»
Москва

Гэбриелу,

который, возможно, когда-нибудь напишет книгу уже вместе со своим отцом

Глава первая

В конце апреля, в четверг, в четверть пятого утра Джанет Кинг разбудило назойливое, с повизгиванием, тарактение судового двигателя в проливе. Звук усиливался, отражаясь от воды, и от этого казался гораздо ближе, хотя в этот час расстояние было бы невозможно определить: в сырой предрассветной темноте под звездами над землей и водой непроницаемой завесой висел туман. Во сне Джанет тоже слышала тарактение, но теперь, хотя только что проснулась, уже не могла вспомнить его источник.

Она щелкнула выключателем лампы на прикроватном столике, опрокинув полупустой стакан воды, которой запивала перед сном таблетки. Ничего, простая вода, сама высохнет. Тарактение двигателя не замолкало, но громкость и тональность менялись, как будто судно ходило по кругу. «До рассвета еще полчаса, – подумала она. – Кого это черт принес?»

Джанет Кинг жила на берегу пролива, полосы воды шириной в милю, которая отделяла Катерпиллер-Айленд – остров Гусеница – от большой земли и с обоих концов открывалась в Атлантический океан. Большинство ее знакомых жило в старых домах-солонках подальше от берега – их строили ловцы омаров, которые за день уставали смотреть на воду. На берегу обитали только приезжие. Она перебралась в этот дом восемь лет назад – семейная пара строила его в качестве дачи, но незадолго до завершения отделки брак рухнул. Джанет знала, что возведение дома и не до такого может довести, однако ее собственный брак распался по иным причинам. Иногда она еще сожалела о разводе, но теперь уже не могла и дальше оставаться в семейном гнезде – слишком болезненно. Как бы то ни было, этот дом достался ей за гроши, а кухонные шкафы и тумбы она доделала самостоятельно. Джанет привыкла справляться сама. Натянув фуфайку и джинсы, она нашла на вешалке в прихожей налобный фонарь и влезла в парку со сломанной молнией. Надо просто позвонить в полицию, мелькнула мысль, но пока местные копы добудутся кого-нибудь в Береговой охране, человек уже успеет сгинуть в темной воде. В общем, хочешь сделать хорошо – сделай сам.

Она тряхнула головой, надела резиновые сапоги и проковыляла по коридору, на ходу глянув на себя в зеркало настенной вешалки у боковой двери: короткие волосы, седины в которых чуть больше, чем хотелось бы, всклокоченные капюшоном парки, обрамляют круглое лицо с большими серыми глазами, до сих пор привлекающими местных рыбаков, – вот только хватит с нее рыбаков. Фуфайка и незастегивающаяся парка скрывают еще стройную фигуру, повод для сдержанной гордости, пусть и не в таком наряде – в нем она напомнила себе вставшего на задние лапки ежа.

Джанет открыла дверь и спустилась к причалу, разрешение на строительство которого прождала три года. Несмотря на непроглядный туман и скользкую некошеную траву, она не спотыкалась, ведомая светом фонаря, который установила на конце причала. Пройдя по дощатому настилу, сошла по напоминающей трап лесенке на плавучую платформу, которая поднималась и опускалась вместе с волнами, и села в свою лодку. Запустив подвесной мотор, она поняла, что с воды определить положение судна будет сложнее, а то и вовсе невозможно. Отчаявшись, Джанет включила налобный фонарь и, чувствуя себя заблудившимся в море шахтером, принялась вертеть головой из стороны в сторону. Миазмы бледно-серых морских испарений струились по поверхности, словно торопясь куда-то, и скрывали черную воду впереди. Выругавшись, она неохотно заглушила мотор, чтобы лучше слышать, а потом принялась грести на звук. Гребля и раньше давалась ей тяжело, а теперь, после удаления лимфатических узлов, и вовсе причиняла боль, но особого выбора не оставалось, хотя любая женщина в своем уме на ее месте вернулась бы под одеяло.

И вот, когда над холмами уже забрезжил свет, она увидела источник звука. Даже несмотря на туман и расстояние, она разглядела баркас-омаролов, неспешно разворачивающийся к ней

кормой с выведенным красной краской названием: «Джанет». Ее собственный клятый баркас – точнее, он принадлежал ей, когда она еще была замужней женщиной.

– Ну что ж, – тихо пробормотала она себе под нос, – с чем себя и поздравляю.

Джанет снова запустила подвесной мотор и направила лодку к баркасу. Как ни странно, но к мужчине, с которым они когда-то совместно владели этим судном, она до сих пор иногда испытывала какие-то чувства. Если он на борту, то зачем бесконечно кружит на месте, где, как все знают, омары отродясь не водились? Ловушки на этом отрезке пролива никто не ставил. Если же на борту его нет... под ложечкой начал затягиваться узел. Раздумывать нечего, придется выяснять.

Меньше месяца назад другой баркас дрейфовал, потеряв управление, недалеко от Норт-порта с висющим на спутанных снастях телом уважаемого местного рыбака по имени Том Хинчклифф. Том провисел так пару дней, а баркас, скорее всего, повернул обратно к гавани чисто случайно, потому что Хинчклифф ушел проверять ловушки на глубине в открытом море. Предполагали, что у владельца судна прихватило сердце, он упал и запутался в канатах, или же, наоборот, что-то пошло не так при подъеме ловушки, и Том, пытаясь высвободиться, заработал сердечный приступ. Хинчклифф ходил в океан всю жизнь, чем, возможно, и объяснялось безрассудное решение идти так далеко без помощника.

Приближаясь к баркасу, Джанет отгоняла от себя это воспоминание, но, когда еще немного посветлело, стало видно, что снасти пустые и чистые. Да и весь баркас был чистым, гораздо чище, чем в свое время. Джанет сомневалась, что обнаружит бывшего мужа на борту: он не сидел бы внизу, пока баркас нарезает медленные бесцельные круги по волнам. Тем не менее, приблизившись, она крикнула:

– Саймон, зараза, если ты на борту – вылезай и объясни, в чем дело! Сам знаешь, я ненавижу недосыпать.

Ответа не последовало. Подобравшись сквозь туман поближе, она перебросила якорный канат через планшир, подтянулась к борту и вскарабкалась на палубу, не забыв привязать лодку. Сердце часто билось не то от физического напряжения, не то от страха.

На борту никого не оказалось: подвязанный штурвал гонял судно по бесконечному кругу. Джанет отвязала конец и заглушила двигатель. Внезапная тишина на секунду оглушила ее. Даже птицы еще не проснулись. Потом она осмотрелась. При виде баркаса, как всегда, нахлынули воспоминания, но Джанет отогнала их. Учитывая, что ее бывший вполне мог погибнуть, пропасть без вести или же угодить в какую-то опасную переделку, не самый лучший момент предаваться воспоминаниям о днях, которых уже не вернуть. Даже о тех блаженных моментах под палубой. Куда ж его черт унес? Ни записки, ни признаков насилия или борьбы. Просто дурацкий пустой баркас, плавно покачивающийся на воде. Осмотрев снасти, она не нашла ничего подозрительного. Хромированные рукоятки лебедек на месте и без следов крови, волос или еще каких гадких ошметков, как показывают по телевизору, когда кого-нибудь забили насмерть. Непохоже, что кому-то проломил здесь череп.

Осматривая палубу, Джанет различила тихое гудение насоса, подающего морскую воду в живорыбный садок. Большой прямоугольный бак служил изолятором временного содержания для дневного улова и вмещал около семисот пятидесяти фунтов омаров, остававшихся живехонькими и свеженькими благодаря постоянно поступающей из-под днища баркаса проточной забортной воде. Зачем включать насос еще до зари, когда в баке пусто?

Джанет подошла к садку, ухватила за крышку и дернула вверх, но тут же сработала гидравлика, и крышка приподнялась сама и стала откидываться к корме. Если повезет, подумала Джанет, в садке не будет ничего, кроме воды. А если нет, там окажется труп – переломанный, скрюченный и впихнутый в единственное пространство на борту, где для этого достаточно места. Крышка, снабженная небольшими гидравлическими цилиндрами по углам, поднялась,

и Джанет ахнула, отпрянула и зацепилась ногой за якорный канат. Ухватившись за леер, чтобы не упасть за борт, она снова усталилась в садок. Там кипела жизнь, но это были не омары.

У нее перед глазами, словно водяной вечный двигатель, хаотично роились тысячи мальков угря, уродливых, мечущихся, ищущих – что? выход? пищу? кислород? способ вернуться в открытое море? Она пригляделась к угрям: пара дюймов длиной, прозрачные, не толще спички. В них пульсировала жажда жизни, жажда роста, они отталкивали и в то же время притягивали взгляд своим непрерывным движением. Джанет стояла и замороженно смотрела. Мальки угря. Что они забыли здесь, на баркасе без шкипера? Любопытство взяло верх, и она опустила палец в воду, чтобы зацепить одного из них. Крошечные твари скользили вокруг, отираясь о палец, как кошка о ногу – когда есть кошка. Джанет не нуждалась в домашних животных. Она отдернула руку и вытерла липкую слизь о парку.

– Господи, как я ненавижу кошек, – произнесла она вслух, ни к кому не обращаясь. Но тут же осеклась и повернула голову к воде. Стук подвесного мотора. Глянув навстречу разгорающейся заре, она увидела хлопающий днищем по волнам маленький катер, идущий прямо на «Джанет». Она надавила на крышку садка. Туман уже разошелся достаточно, чтобы можно было разглядеть за штурвалом растрепанного парня в обтерханной бейсболке «Бостон ред сокс», который правил прямо на нее.

Только теперь она впервые испытала не мимолетный страх, а настоящий нутряной ужас. Она многого не понимала, однако решительно приближающийся здоровый молодой парень мог означать любой набор неприятностей для сорокадевятiletней женщины, даже не имевшей понятия, как баркас оказался здесь, где шкипер и зачем кому-то понадобилось тащить в пролив тысячи мальков угря из ручьев, где их, видимо, выловили.

Парень подогнал катер к борту, взглянул на нее и наклонил голову – несколько нерешительно, но без страха.

– Миссис Кинг? – В его голосе звучало недоумение.

– Джои? – ответила она вопросом на вопрос. – Джои Пицио?

Сколько лет. При виде Джои ей стало немного грустно: когда-то он был одним из друзей Лиама – милый бестолковый мальчишка на побегушках. Последний раз она видела его на похоронах Лиама почти десять лет назад – тогда Джои выглядел как типичный нечесанный старшекласник в плохо сидящем воскресном костюме. Однако с тех пор с ним что-то произошло: землистое лицо, бегающие глаза, кожа да кости. И что он забыл здесь?

– Вы с Саймоном что, снова сошлись? – моргая, спросил Джои.

– Ну, не так чтобы сошлись, – уклончиво ответила Джанет. Она не спешила выкладывать карты на стол, не видя смысла отвечать на вопросы, не получив сначала информацию. Лучше вести себя так, будто баркас принадлежит ей, тем более что на нем ее имя. А остальные мысли имеет смысл пока отогнать, особенно мрачные. – Как у тебя дела, Джои?

Тот привязал катер к левому борту «Джанет» и бросил на палубу баркаса дешевый пластиковый ящик для рыболовных снастей.

– Не жалею, – проговорил он. – Что толку? – Он вскарабкался на борт с явным усилием, неожиданным для столь молодого возраста. – Хорошо выглядите, – заметил он. – Давно не виделись.

– Наверное, с похорон, – согласилась она. – Я и других мальчиков с тех пор не видела.

– Да, мэм, – Джои задумчиво кивнул, – оно и понятно. Сам иногда его вспоминаю. Беда. Это, да еще и рак, я слышал.

– Спасибо, Джои. С раком я справилась. А то, другое, боюсь, навсегда.

Они немного постояли друг напротив друга – говорить было больше не о чем. Потом Джои приподнял крышку садка, взглянул на мальков и снова закрыл ее.

– Не знала, что ты работаешь на Саймона, – сказала Джанет.

– Скорее с ним вместе. Странно, что он вам не сказал, – отозвался Джои, – ну, раз вы здесь.

– Ты же знаешь Саймона, – ответила она, сделав паузу. – Предпочитает суровое молчание.

– Не любит трепаться, да, – согласился Джои.

– Ты его не видел? – Она надеялась, что вопрос прозвучал непринужденно.

– Думал, он здесь будет. Но вместо него вы. Скоро рассветет, вам, пожалуй, пора. Дальше я поведу.

– И куда же? – спросила Джанет.

На лице Джои промелькнула тень подозрения.

– Наше дело собрать и сдать. – Он явно не собирался откровенничать. – Больше ничего не знаю. Нам больше и не положено.

Она окинула его критическим взглядом: тусклые темные глаза со слегка расширенными зрачками, неопределенного цвета длинные волосы, вылезавшие из-под бейсболки, недельная щетина. Джои Пицио стал старше, но не очень повзрослел. В нем еще оставалось много от того милого проблемного подростка, которым он был когда-то.

– Я тебя еле узнала, – солгала она, надеясь разговорить его. – Изменился.

«Ну давай же, Джои», – подумала она, надеясь, что дальнейший разговор хоть немного прояснит, что делает здесь баркас, раскачиваясь на волне посреди пролива.

– Я не чувствую, что изменился, – возразил он. – Хотя со стороны-то, конечно, виднее. Просто делаю свою работу. Зарабатываю на жизнь, не перенапрягаясь. Школу окончил, если вы об этом.

– Просто хотела спросить, чем ты занимался.

– Да тем же, что и сейчас. – Он нервно огляделся, как будто спешил. – Миссис Кинг, скоро рассветет. Мне пора уводить баркас. Вы же порядок знаете. – Он указал рукой на ее лодку. Она понятия не имела ни о каком порядке, но у Джои, похоже, были четкие указания. Джанет послушно перелезла через борт названного в ее честь баркаса и села в моторку.

Парень отвязал и передал ей конец, которым она пришвартовалась к «Джанет», а потом подобрал с палубы пластиковый рыболовный ящик и кинул к ней в моторку.

– Передайте Саймону, – попросил он.

– Этот ящик?

Однако Джои уже нажал на стартер двигателя баркаса, и тот с ревом ожил. Он дал полный вперед и, разрезая волны, понесся на юг, волоча за собой свой катер и оставив Джанет дрейфовать в проливе.

Несколько минут она сидела в моторке, раскачиваясь на волне. Джои Пицио. Похоже, ничего хорошего из него не вышло. Впрочем, иного никто и не ожидал, но у нее все же теплилась надежда.

Джанет запустила подвесной мотор и вернулась к своему причалу.

Дома она сбросила верхнюю одежду, переоблачилась в халат и шлепанцы и отнесла рыболовный ящик на кухню, где верхний свет горел ярче: в этот ранний час в доме еще царил полумрак. Поставила ящик на кухонную столешницу и откинула защелку – дешевая ярко-красная пластмасса, даже без замка. Сверху на двух поддонах лежали дешевые рыболовные снасти: мягкие пластиковые мормышки, грузила из дроби в прозрачной коробочке, пакетик с крючками – такие покупают в универсальном магазине приезжающие на уик-энд туристы в надежде поймать камбалу, профессионалы подобной ерундой не пользуются. Джанет вытащила два верхних поддона и положила на столешницу. Беспольный хлам – последнюю камбалу в проливе выловили еще в 1980-х. На дне ящика лежала красная дерматиновая сумка на молнии. Она открыла ее. Внутри лежали четыре пачки двадцатидолларовых купюр – три запечатаны, на одной лента надорвана. Итого восемь тысяч семьсот долларов новенькими хрустящими двадцатками плюс один выдавший виды полтинник.

Джанет Кинг никогда не видела столько наличных сразу. После развода она смогла купить дом, взяв ипотеку на изрядную сумму, но выплачивать ее удавалось с трудом. Алименты поступали нерегулярно и мгновенно исчезали, а адвоката, чтобы разобрался с бывшим мужем, она себе позволить не могла. На неделе Джанет по большей части чистила крабов и паковала их мясо в полпинтовые пластиковые ванночки, которые продавала в нью-йоркские рестораны и в местные лавки для летних туристов. Даже построила краборазделочную – прямо через дорогу напротив своего дома, на прилагавшемся к нему клочке земли. Выручка едва покрывала выплаты по займу на строительство. По выходным она подрабатывала парикмахером в салоне красоты Беа в Броктоне. Когда начинался летний сезон, трудилась официанткой в «Гриле морехода», где разносила сэндвичи с омаром и жареную пикшу с картошкой в корзинках туристам, отважившимся забраться так далеко на север. Чаевые давали щедро, благодаря чему ей удалось купить на аукционе убитый фургон мороженщика «Мистер Софти», а потом отремонтировать его, чтобы возить охлажденное крабовое мясо и продукты из других местных лавок в международный аэропорт Бангора, откуда их отправляли в Нью-Йорк.

Фургон отремонтировал мастер на все руки по имени Кит Фулбрайт, который строил сейчас новую дачу на соседнем участке. На борту он вывел канареечно-желтую надпись «Крабовщица» – так и называлась ее компания. Киту она тоже была должна. Иногда казалось, что ей ничего полностью не принадлежит, за исключением одежды. Тем не менее дела у нее шли примерно так же, как у большинства на острове, и даже лучше, чем у многих.

И вот теперь на столешнице лежало достаточно денег, чтобы еженедельные уведомления о просроченных платежах прекратились. Нет, расплатиться полностью не хватило бы, для этого требовалось много больше, но заткнуть дыры вполне удалось бы. Джанет давно мечтала погасить долги и уехать, заняться чем-то другим, не знала только чем. Может, и ничем. Как бы то ни было, эта сумма покрыла бы лишь первый взнос по ее долгам.

Однако, когда Джанет сложила купюры в стопку, у нее по спине пробежал холодок и тихий голосок внутри предостерег: не трать их, сперва подумай. Уж больно новые купюры. Да еще эти угри. Вспомнив о них, она поежилась: уродливые, с непропорционально большими глазами, тельца будто из расплавленного стекла и слизи, оставшаяся у нее на указательном пальце. Их иногда называли стеклянными угрями. Она слышала о промысле молодежи угря в Мэне, но никогда с ним не соприкасалась. Об этом говорили шепотом, как о нелегальных обезболивающих таблетках. Похоже, ее бывший, вечно мутивший сомнительные темы, вляпался в очередную скверную историю.

Чего еще ждать от Саймона. Она сложила деньги обратно в сумку, включила кофеварку, которую всегда заправляла накануне вечером, села и набрала на мобильном номер бывшего. Звонок сразу переключился на голосовую почту. Она положила телефон на стол и стала ждать.

Глава вторая

В краборазделочной, как всегда, стоял впитавшийся в стены трупный смрад давно разложившихся морепродуктов, от которого было невозможно избавиться. Работавшие там женщины, видимо, уже не чувствовали его, а в остальном помещении было чистым и ничем не примечательным. Из четырех обшитых вагонкой стен торчали металлические крюки для фартуков, под которыми по белой краске тянулись ржавые потеки от просачивавшейся зимой воды. В одном конце высился штабель ящиков с вареными крабами, в противоположном – два огромных холодильника: один для сырых крабов, другой для очищенного крабового мяса. Когда оба гудели одновременно, свет над стоящим посередине длинным стальным столом немного мерк, и работа шла медленнее. Рядом с мойкой находился бак с морской водой, где живые крабы ждали отправки в пароварку, стоящую снаружи. На столе высились башенки полпинтовых пластиковых ванночек и крышек, которые росли и снова опадали в течение рабочего дня. За столом сидели и молча работали три женщины. Джанет уже не ложилась после того, как баркас разбудил ее, и кости, как и все тело, ломило от недосыпания. Никто не упрекнул ее за опоздание: хозяин – барин.

Она начала разделять крабов после того, как они с Саймоном оформили развод, а еще через год открыла собственное дело, когда спрос как раз пошел вверх. Какой-то ресторанный гений вдруг окрестил доисторического каменного краба из Мэна остроногим, сделав его незаменимым ингредиентом крабового салата, за который в ресторанах Манхэттена драли двадцать восемь долларов, и еще более дорогих многослойных кулинарных изысков. Мэнские рыбаки ничего не поняли, но обрадовались. Здесь этих крабов испокон веку называли остроножками из-за маленьких шипов между клешнями, однако официальное переименование превратило их из раздражающей помехи, которую ловцы омаров бросали обратно в море, в изысканный деликатес. Ни один гурман не отличил бы по вкусу остроногого краба от любого другого, и новое название свидетельствовало лишь о могуществе маркетинга, даже столь незамысловатого.

Раздельщицы, несмотря на боль в спине и множество мелких порезов на руках, работали без усталости, опустив головы, словно на фабрике, разбирали мелких гадов на запчасти, не переставая болтать. Две из них, которые сидели рядом с Джанет, были замужем за ловцами омаров. Пэтси Хинчклифф, крупная женщина с толстыми пальцами, разделяла краба быстрее и чище всех на острове. Она была первой и до сих пор лучшей работницей Джанет. Шеф-повар одного пафосного ресторана в Нью-Йорке просил Пэтси подписывать свои ванночки с крабовым мясом, чтобы быть уверенным, что получает самый чистый и цельный продукт. Это вселило в Пэтси уверенность в том, что она достигла в жизни всего. Амелия Бойер была старше Джанет на двадцать пять лет, но все еще красавица: коротко остриженные седые волосы, высокие скулы, голубые глаза и бледная чистая кожа. Ее муж продолжал ходить в море, хотя уже приближался к семидесятипятилетнему возрасту. На десятую годовщину свадьбы он провел в дом канализацию – эту историю Амелия поведала остальным, потому что приближался пятидесятый юбилей.

– Наверное, приятно было получить такой подарок, – предположила Джанет.

– Боже упаси! Ну что за мерзость – опорожняться в комнате рядом с кухней! Подумать только! Но такова уж жизнь, – вздохнула Амелия. – Со временем привыкаешь.

У Пэтси и Амелии были желания, удовлетворить которые их мужья не могли или не хотели: круиз по Карибскому морю, деньги на обучение детей в колледже, обеспеченная старость. Но мужчины, похоже, просто не понимали таких вещей. Грузовики и баркасы, бензопилы и охотничьи ружья – вот все, что было у них на уме.

Третью работницу Джанет нашла несколько месяцев назад, когда та курила перед салоном красоты Беа. Лотти Прайд, миниатюрная, темноволосая, смуглая, никогда не повышала

голоса, но в нем тем не менее слышалась какая-то пронзительная нота, и Джанет казалось, что Лотти всегда готова начать спор. Она работала всего два дня в неделю в непонятной безымянной конторе, располагавшейся над салоном, выживая в основном благодаря продуктовым талонам и силе воли. Джанет она нравилась – нравились ее упертость и смертельная серьезность, перекуры, за которые она никогда не извинялась. Чувство юмора у Лотти отсутствовало напрочь, и это почему-то подкупало. На вид ей было за тридцать, и она утверждала, что происходит из индейского племени пассамакуоди. Джанет радовало уже то, что она помогла Лотти соскочить с пособия.

Джанет подняла металлической снеговой лопатой гору крабов и вывалила их на стол, а потом подседа к остальным, положив мобильный на стол экраном вверх. «Ну позвони же, гад», – думала она.

– Джанет, нож мой не видела? – спросила Пэтси.

Они выковыривали мясо из панцирей короткими загнутыми, как птичьи клювы, ножами с белыми пластмассовыми рукоятками. Пэтси предпочитала тот, что совсем истончился от бесконечных заточек, с оплавленной рукояткой: его положили слишком близко к спирали электроплиты. Дался ей этот нож.

– Просто возьми в ящике любой. Я недавно новые купила. Они все одинаковые, Пэтси.

– Разве не знаешь, это мой счастливый ножик, – слегка обиделась Пэтси. Потом она оторвалась от работы и оглядела начальницу. – Ты как после пьянки. Все нормально?

– Живот болит, – солгала Джанет. – Ну, сами знаете. Всю ночь не спала.

– Слава богу, это позади, – сказала Амелия Бойер. – Три «М». Сначала месячные, потом менопауза. Женские привилегии.

– Это ведь только две, – заметила Пэтси.

– А дальше морг. Некоторым не хочется стареть, а я вот рада, что первые две «М» позади. – Она снова склонилась над столом.

– Я тоже жду не дожусь, – заявила Лотти.

– Откуда тебе знать, каково это, – возразила Пэтси.

– Я готова расстаться с месячными, – невозмутимо парировала Лотти. – Детей я все равно рожать не собираюсь, их и так слишком много. И никаких больше болей каждый месяц, и не надо сидеть в красном шатре. Мы не обязаны страдать.

– Никто и не говорит, что ты обязана, – сказала Пэтси и подмигнула Джанет.

– Я говорю.

– Перемены, – мрачно пробормотала Пэтси, глядя на крабовый панцирь в руках. – Есть еще к чему стремиться.

– Ага, просто прекрасно, – вставила Амелия. – Только подумаешь, что уже наконец всё, вдруг опять начинается, когда стоишь в очереди в универсаме, и надо срочно что-то делать, как в тринадцать лет. А потом закончится по-настоящему, и ни один мужик на тебя больше не посмотрит. Вот это, пожалуй, не очень.

Джанет молчала, уже жалея, что подняла тему. Она приближалась к пятидесяти, и ее это вовсе не радовало, причем ни с какой стороны. Но так уж текли беседы в краборазделочной. Она отломала у краба ноги, воткнула бритвенной остроты нож между глаз и отделила голову и брюшко. А потом спросила как можно более невинным тоном:

– Вы слышали что-нибудь о торговле угрями? Читала тут статейку... – Тут она замолкла. При всей краткости это была тщательно отрепетированная речь.

– Угри? Тебе ли не знать, ты же в этом бизнесе, – заметила Амелия Бойер. – Сейчас самая середина сезона.

– Я крабами занимаюсь. А угрями нет, – словно оправдываясь, возразила Джанет.

– Угри, – вступила в разговор Лотти. – Еще один рыбный промысел, который по праву должен принадлежать нам.

– Начинается! – Пэтси возвела глаза к небу.

– Коренные народы вели бы устойчивый промысел. А теперь, когда всем подавай суши, думаешь, на омарах разбогатеешь? Угри – вот где настоящие деньги.

– Как это? – спросила Джанет.

– Не поддакивай ей, – пробурчала Пэтси.

Амелия Бойер, втянув безупречно гладкие щеки, защелкнула крышку ванночки с крабовым мясом.

– Две тысячи пятьсот долларов фунт, – продолжала Лотти, – а в фунте примерно тысяча пятьсот мальков.

Джанет глянула на мобильный; две тысячи пятьсот долларов за фунт – это Саймона точно заинтересовало бы.

– Куча денег, это да, – вставила Пэтси. – Но уж очень они жуткие, будто миллион прозрачных змей в бочке.

– Никогда не видела, – снова солгала Джанет, надеясь, что это не выйдет ей боком.

– Угри, конечно, уродливые, – не унималась Пэтси, – но те, кто их ловит, еще хуже. Вот уж отвратные типы. Просто звери.

Джанет побледнела. Звери.

– Зато зарабатывают неплохо, – парировала Лотти, – на уничтожении рыбы.

– Те, которые выживают и вырастают, – вполне съедобные, если только не смотреть на них. Папаша мой ловил их на червя в Багадусе, – сказала Пэтси. – Говорят, у них ни яиц нет, ни маток. Никто не знает, как они рождаются.

– Где ты видела рыбу с яйцами? – скривилась Лотти. – Когда приходит время плодиться, они устраивают большую оргию в Саргассовом море, а потом дохнут. Четыре тысячи миль отсюда. А деток течение приносит обратно к нам.

Пэтси Хинчклифф фыркнула:

– Далековато плавают трахаться.

Амелия Бойер рассмеялась – Джанет даже не была уверена, что слышала раньше этот звук.

– Не люблю разговоры на тему менопаузы, – выдохнула она, – но о сексе угрей еще хуже.

– Откуда ты все это знаешь? – спросила Джанет у Лотти.

Пэтси вздохнула и, подписав крышку ванночки, толкнула ее по столу к Джанет.

– Я защищаю права коренных народов на рыбную ловлю, – пояснила Лотти. – Я обязана знать всё. Белые ловят угрей, корейцы покупают мальков и выращивают, но Создатель знает: этот промысел принадлежит нам.

Джанет хотела продолжить расспросы, но, заметив мрачный взгляд Пэтси Хинчклифф, замолкла. Знай разделявай краба. Она опустила взгляд на стол, где среди мертвых тушек безмолвно лежал ее мобильный. «Звони», – снова мысленно приказала она, но телефон не подчинился. Наверное, плохой сигнал. Может, Саймон пришлет эсэмэску.

Когда на столе выросла башенка ванночек с крабовым мясом, Джанет отнесла их в холодильник. Одиннадцать долларов штука, оптовая цена. А мальки угря по две тысячи пятьсот долларов фунт.

Краб

В каменистом устье ручья у пролива, в бахrome перепутанных водорослей, чьи пузырьчатые верхушки колыхались на поверхности, поднимаясь с приливом все выше, таились личинки креветок и прилипшая икра скатов, – там они спали, пока их не выпустят в естественный садок укромных расщелин, защищенных от хищников покрупнее, где они станут пищей для тех, кто найдет туда путь.

Суетливый краб скользил по галечному дну, временами замирая, а потом продвигаясь дальше, цепляясь за камни. Морская трава расступалась перед ним, а мелкие креветки брызгали в разные стороны. Его подозрительные глаза на стебельках, похожие на оплавленные концы рыболовной лески, обшаривали дно во всех направлениях. Балетные ножки грациозно и ровно несли панцирь с подогнутой и упрятанной в него головой: краб словно ждал подходящего момента, чтобы вытянуться во весь рост, но момент этот никак не наступал.

Краб приостановился. Сельдь подплыла слишком близко – клешни открылись, корпус откинулся назад и повторил траекторию рыбыны, как зенитная пушка повторяет траекторию самолета. Сельдь ушла на глубину и исчезла в мглистых водах ручья, обратившихся вспять из-за прилива. Краб оставался неподвижным еще минуту. Наконец клешни расслабились, корпус опустился ко дну, а глаза приподнялись и снова зашарили по сторонам. Краб продолжил свой путь.

Внезапно резкие очертания теней на дне начали размываться, как будто между водой и солнцем проходило облако. Краб замедлил движение. Наконец тень окутала все вокруг, и краб снова приподнялся и воздел открытые клешни. Но хватать было некого. Его окутала тьма. Облако извивающихся угрей, немногим длиннее крабьей ноги и гораздо тоньше, змеилось вверх по ручью нескончаемой волной, такой плотной, что закрыла крабу небо. Он поворачивался то в одну, то в другую сторону, шелкая клешнями. Мальки сливались в одну сплошную массу. Один из них – глаза почти во всю голову – скользнул по панцирю краба, за ним второй, третий. Краб вертелся на месте, отбиваясь клешнями от бесконечного роя, но соскользнул с обломка песчаника, опрокинулся и плюхнулся на каменистое дно ногами кверху.

Он прижал клешни к брюшку и застыл, как закуска на тарелке. Шевелились только глаза на стебельках, испуганно взирая на проплывающий сверху поток угрей. А потом, так же внезапно, как появились, мальки исчезли, ушли вверх с приливом к тихим водам, подмытым берегам, заводям и притаившемуся выше по ручью затону. Тем из них, кто найдет укромное место, оно станет домом, по крайней мере на время, а самым везучим – почти на десять лет. Когда угри ушли, свет снова проник на дно и высветил белое брюшко краба. Он засучил ножками,

пытаясь зацепиться за что-нибудь и перевернуться. Передняя нога нащупала камень, и краб, изловчившись, снова принял нормальное положение.

Он помедлил и, оглядевшись, медленно выбрался из воды на сухой песок. На земле, придавленный силой тяготения, он уже не медлил и заковылял боком, сперва поспешно, а потом осторожнее, глядя по сторонам. На суше всюду подстерегали опасности. По песку от воды протянулся пунктирный след.

Путь ракообразного пролегал вдоль подножья выступавшей из песка серой скалы. Стебельки глаз обшаривали пустой пляж. Краб зашел в тень и замер.

Внезапно тень сдвинулась, краб отпрянул, но на большее времени не осталось. На него обрушился мужской ботинок. Панцирь раскололся на три части, скользкие коричневые внутренности и бахромчатые серые жабры выдавились на песок.

Ноги задергались, клешни взметнулись вверх и щелкнули трижды: сначала быстро, потом все медленнее. После чего сомкнулись и замерли.

Ботинок был из натуральной полированной кожи на кожаной же подошве. Помимо щегольской обуви, мужчина носил твидовый костюм и голубую оксфордскую рубашку. Невысокий, но в хорошей форме, можно сказать атлетического телосложения, он сидел на выступе скалы и осматривал бухту, когда заметил вылезшего из воды краба. Увидев, что тот направился в его сторону вдоль края камня, он медленно приподнял ногу и ждал, замерев в этой позе.

Кожа у него на лице была туго натянута, словно маска из зарубцевавшейся ткани, и глаза смотрели будто из глубины. Опустив ногу и услышав треск лопнувшего панциря, он улыбнулся и благодушно выдохнул, словно удовлетворил некую насущную потребность. Однако улыбка выглядела не вполне нормально: мышцы лица работали, но как будто не в полную силу, и сделали свое дело только наполовину. И все же, судя по глазам, мужчина был доволен.

Однако, когда мужчина осмотрел свой ботинок и обнаружил размазанный по темно-коричневой коже горчично-желтый гепатопанкреас¹ краба, улыбка исчезла, он тихо выругался. Брезгливо присыпав мертвую тушку песком, он вытянул через соломинку остатки водянистого кофе со льдом из пластикового стаканчика, а когда внутри забулькало, швырнул посудину в бухту и пошел вдоль берега. Приостановившись у пучка травы, мужчина стер горчичное пятно с ботинка, покачал головой и зашагал дальше.

На небольшой парковке стояли две легковые машины и перекрашенный старый фургон мороженщика. На всех трех красовались номерные знаки с омарами. Миновав их, мужчина прошел дальше по дороге еще ярдов пятьдесят, где в укромном месте стоял его автомобиль. Незнакомец щелкнул электронным брелоком, открыл дверцу и вытащил из стаканчика под приборным щитком влажную салфетку. Балансируя на одной ноге, он оперся на машину и счистил остатки крабьих внутренностей с ботинка. Вместо омара номера его машины украшало изображение красного сарая, и подпись гласила «Молочный край Америки», а не «Курортный край»². На пассажирском сиденье лежал пластиковый пакет с логотипом строительного супермаркета. Мужчина сел в машину, пристегнул ремень и уехал.

На песчаном берегу бухты над крабом жужжали две мухи. Подошла чайка и, склонив голову набок, подняла сперва одну лапку, потом другую, после чего поддела клювом растерзанные останки. Ветерок сдул пластиковый стаканчик с розовыми и оранжевыми буквами в воду, и он медленно поплыл, а потом зацепился за ветку. На смятых потемневших листьях колышущейся на ветру травы остались желтые ошметки. Прилив продолжался.

---

¹ Пищеварительная железа членистоногих. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Соответственно девизы штатов Висконсин и Мэн. Девизы и изображения молочной фермы или омара фигурируют на номерных знаках автомобилей, зарегистрированных в этих штатах.

Глава третья

Женщины выполнили дневную норму к четырем, а когда закончили уборку, окатив помещение водой из шланга, что лишь немного сбивало запах, было уже почти пять часов. Они выставили на обочину толстые пластиковые мешки с внутренностями и скорлупой – их забирала ферма органических продуктов с Кейп-Херрингтон, чтобы использовать в качестве удобрений, – и распрощались.

Форма острова Гусеница соответствовала его названию: двадцать восемь миль в длину и около пяти поперек в самых широких местах, но дорога петляла вдоль многочисленных заливов и бухт, и Джанет обычно не торопилась, глядя на разбросанные по воде скалистые островки, лодки и открывающиеся виды: пляжи, где в отлив собирали моллюсков, полностью исчезающие в прилив; водоросли, застрявшие в прибрежных кустарниках у обочины. Приблизился май, пора цветения, но здесь, на севере, весна ползла еле-еле, как улитка, чуть продвигаясь день ото дня. Джанет приветствовала эту неспешную поступь.

Остров никогда не отличался многолюдностью, однако тут и там она видела строящиеся дома: в последние годы сюда приезжало все больше людей из других штатов. Теперь, когда южная часть Мэна начинала походить на пригород Бостона, желающих построить загородный дом становилось все больше, взять ту же пару по соседству с ней. У этих людей, очевидно, водились лишние деньги, хотя откуда они брались, оставалось загадкой. Для жителей острова работа составляла основу существования. Кроме упомянутых в Библии профессий – рыбак, плотник, фермер, – остальные считались ненастоящими. Инвестиционного банкира местные считали кем-то вроде менялы. А консультант по управлению? Наверное, блудница. Про таких в Библии как раз написано.

Обычно дорога от краборазделочной до омарового кооператива, где швартовался баркас Саймона, занимала у Джанет полчаса, но сегодня она гнала свой универсал «субару» наперегонки с беспокойными мыслями.

Саймон. Тот самый, что уверял, что у нее есть талант, и тащил в дом всяческий хлам, попадавший в море, – оторвавшиеся от омаровых ловушек буйки, ломаные пенопластовые ящики, потерянные туристами, – ведь Джанет, конечно же, сможет расписать их островными сюжетами и продать наезжающим все большими толпами городским придуркам, как он их называл. Лишний заработок не помешает. Она не знала, считать его слова лестью или издевательством, и принимала оба варианта. Тот самый Саймон, который придумал световой люк с омарами для самых богатых и эксклюзивных новых домов: устанавливаешь аквариум в потолке гостиной и запускаешь туда живых омаров, чтобы наблюдать за ними, пока пьешь мартини, или что там они пьют. Он даже сделал пробный образец и затащил его на крышу их дома – у них на глазах омары испеклись на солнце, всплыли вверх брюхом и начали смердеть. Нет, практичностью он не отличался. Зато у него хватало забавных идей, и ей нравилось быть замужем за ловцом омаров, который пытается делать что-то интересное, пусть его затеи, как правило, были безумными.

В пренебрежительном отношении Саймона к своему ремеслу – его отец тоже занимался добычей омаров, куда тут денешься – и мечтах о славе было нечто трогательное, по крайней мере сначала.

В пять сорок пять Джанет уже стояла у открытой дверцы «субару» и оглядывала причалы омарового кооператива с утеса над гаванью, ища взглядом баркас. Его на месте не оказалось. Она снова села в машину, включила передачу и поехала вниз. Но от идиота Билли Уиллига, одноглазого смотрителя причала, ничего добиться не смогла.

– Без понятия, – ответил он на ее вопрос о том, когда баркас последний раз заходил в гавань. – Сейчас его нет, хотя временами стоит. Может, вчера заходил. Или Саймон был здесь сегодня, но я его не видел.

– А твой брат Кенни? – спросила Джанет. – Он же работал кормовым у Саймона.

– Саймон его уволил. Говорит, не могу платить кормовому семнадцать центов с доллара, управлюсь и сам.

– Узнаю Саймона, – пробормотала Джанет. – Считает себя бизнесменом, хотя на самом деле просто жадный.

– Я этого не говорил, – отозвался Билли.

Вернувшись в машину, она направилась на запад, в сторону дома, все больше нервничая. К тому же раздражало, что надежда увидеть баркас воспламенила воспоминания о днях молодости, когда она вызывалась поработать кормовым у мужа.

«Ну, корма-то у тебя годная», – иногда говорил он, ласково шлепая ее по заднице. Плосковатая шутка, но милая. Исчезнувший мир. В конце концов он лишь разбил ей сердце, лишил единственного ребенка и замкнулся в виноватом молчании. Хорошо бы еще избавиться от ностальгии и щемящей тоски, которую воспоминания приводили с собой незваным гостем.

Глубоко вздохнув, Джанет свернула с дороги там, где поворачивала много лет, и подъехала к дому, где жила с Саймоном со дня свадьбы. Раньше он принадлежал его родителям: невзрачный и привычный для Мэна дом-солонка с цветником, который она разбила перед крыльцом, и надувным бассейном на заднем дворе летом. Последний раз бассейн разобрали в ту осень, когда умер Лиам, – больше она бассейн не видела и понятия не имела, куда его дел Саймон. Конец хороших времен.

Дом выглядел заброшенным, но она остановилась и заглянула во двор. На лужайке аккуратными штабелями по четыре штуки стояли Саймоновы ловушки для омаров, которым полагось лежать на морском дне с приманкой из менхэдена³ и сельди. Значит, он не на промысле.

Но и не дома: дверь заперта, жалюзи закрыты. Джанет обошла здание, но и задняя дверь оказалась закрытой на засов. Еще больше встревожившись, она села в машину и поехала обратно.

* * *

Повернув к своему дому, она увидела, что единственное парковочное место перед крыльцом уже занял ярко-красный «форд-мустанг». Пришлось оставить машину на обочине и выйти.

На кованой ржавой чугунной скамеечке, тянувшейся вдоль стены террасы перед входной дверью, сидели двое мужчин. Одного она узнала сразу: Джои Пицио. Второй был старше и коренастее, с аккуратно подстриженной бородой и в очках-поляроидах. Джанет встречала его в омаровом кооперативе, где тот начал работать несколько лет назад, но так и не познакомилась. Пока она поднималась по трем ступенькам на террасу, мужчина встал. Джои остался сидеть.

– Джанет Кинг? – елеинным голосом произнес незнакомец. – Мне кажется, вы взяли чужое.

Джанет сделала вдох. Сердце снова учащенно забилося, а во рту вдруг пересохло. Ей удалось изобразить невозмутимость перед Джои на баркасе, но сейчас их было двое.

Мужчина протянул руку.

– Беннет Тайсон, – представился он и кивнул на входную дверь. – Можно?

– Не стоит. – Ее ответ прозвучал хрипло. Возможно, у него есть оружие, и к тому же он намного сильнее. Избиение женщин не было неслыханным событием в здешних краях, хотя

---

³ Вид лучеперых рыб.

обычно происходило в семейном кругу. Здесь дело явно в другом. Может, Тайсон опасен, а может, и нет. Раз представился, то скорее ему нужен результат, чем лишние проблемы.

– Беннет Тайсон, – проговорила она, давая понять, что хорошо расслышала имя. – Это мне мало о чем говорит. Не родственник куриных магнатов?⁴

Тайсон улыбнулся.

– Я друг вашего бывшего мужа. А моего партнера, Джои, думаю, вы знаете.

– Джои я знаю с четырех лет. Правда, давненько не видела.

Джои уставился на носки ботинок и поежился. Она хотела бы помочь ему, но не могла: его босс давил на нее. Возможно, только из-за Джои ее до сих пор и не тронули. Она оценила ситуацию: Беннет хочет вернуть деньги, но, видимо, решил попробовать уговорить ее. Для начала. «Просто подними руку и задай вопрос, – сказала она себе. – Как в школе. Чего тебе терять?»

– О чем именно идет речь? – В ее голосе немного прибавилось звонкости.

– Наш друг Джои ошибся, – примирительным тоном ответил Тайсон. – Нелепая ошибка. Рано утром он должен был встретиться с вашим мужем, но вместо него увидел вас, вот и все. А потом сделал некоторые ошибочные выводы, и в результате... ну, сами знаете, что в результате. Джои – парень молодой, ему простительно.

Джои продолжал рассматривать свои ноги, как будто из ботинок вот-вот могло что-то выползти. Во что же его угораздило впутаться? Он явно был не в своей тарелке и ждал, когда все наконец закончится. Джанет ждала того же самого, но деньги отдавать не собиралась. Не сейчас.

– Скажем так, произошла ошибка, – сказала она. – Возможно, в мою пользу.

Беннет Тайсон открыл было рот, однако Джанет еще не закончила. Она подозревала, что гость видит в ней лишь невинного свидетеля его делишек, скорее всего неосведомленного и покладистого. Но ведь она может повести себя иначе. В конце концов, это ее крыльцо.

– У меня такой вопрос, – продолжила она. – Если вы пользуетесь баркасом моего бывшего мужа, то как вы используете его самого?

Тайсон молча смотрел на нее.

– А вам что за дело? Кто сказал, что я его для чего-то использую? – В голосе Тайсона зазвенели металлические нотки, и он сделал шаг вперед.

– Не говори с ней так, – подал голос Джои, который так и сидел надувшись и смотрел вниз.

– Можешь посмотреть на меня, Джои. Мы давно друг друга знаем.

Джои неохотно поднял голову: плечи ссутулены, взгляд без выражения. Стыд или досада? Пожалуй, и то и другое.

– На баркасе написано мое имя, – заявила она Тайсону. – А его хозяин должен мне алименты за много лет. Достаточно?

– Это ваши дела. Но мы платим ему, а не вам. Что он делает с деньгами, нас не касается. Вопреки здравому смыслу, Джанет начала получать удовольствие от разговора.

– Я чищу крабов, – сказала она. – Зарабатываю этим на жизнь. Но я не дура. В рыболовном ящике лежало восемь тысяч семьсот пятьдесят долларов, а в садке плавали как минимум десять фунтов мальков угря. Раз там такие деньги, значит, мой бывший – курьер или вроде того.

– Десять штук, – возразил Тайсон. – Там десять лежало.

– Я столько не насчитала, – усмехнулась Джанет.

Тайсон сделал глубокий вдох и задумался, а потом повернулся к Джои, который вжался в изъеденную ржавчиной спинку скамейки.

---

⁴ Корпорация «Тайсон фудс» – один из крупнейших в мире поставщиков куритины и другого мяса.

– Интересно получается, – сказал Тайсон своему подручному.

Тот сначала держался, но не вытерпел.

– У меня отнимают пикап за неуплату, – бесцветным голосом сказал он. – Клянусь, я просто одолжил ненадолго. На неделю, максимум на две. Мы с Саймоном договорились.

У Джанет упало сердце. У Джои и так хватало проблем, а она еще проболталась, сколько денег лежало в рыболовном ящике. Только хуже ему сделала, и зачем?

– Блин, – выдохнул Тайсон. – Не понимаю, с чего ты вообще взял, что сможешь платить за пикап. Мэм, предлагаю пойти в дом и забрать деньги. В смысле, то, что осталось.

Джанет грустно покачала головой, словно Беннет был маленьким мальчиком, который написал в штанишки.

– Мужчины не понимают, – проговорила она. – Для них дом – просто место, где спишь и ешь. У женщин все иначе. Для женщины, во всяком случае для меня, дом – это крепость, которую защищают. Он определяет мою суть. Стены, обои, стулья и стол, тарелки, ковры на стенах – все это нельзя осквернять. Я и есть мой дом.

Беннет Тайсон, сбитый с толку, отступил на полшага – ровно настолько, чтобы Джанет подняла крючок, повернула ручку и юркнула в дом, дверь в который никогда не запиралась. Она закрыла ее на засов изнутри, оставив Беннета Тайсона стоять на улице рядом с сутулившимся на скамейке Джои. Внутри Джанет застыла, едва дыша, сама не понимая, зачем наговорила все это, что ее дернуло. Но в результате ей удалось войти в дом и запереться – и это казалось еще более странным. Затем мозг – та его часть, которая обычно руководила ее действиями, – наконец очнулся. Джанет рванулась к боковой двери, выходившей на овраг, и заперла на засов и ее. Потом выглянула в окошко, но Беннет Тайсон и не пытался проникнуть в дом через другую дверь.

Джанет поспешила обратно к передней двери, ощущая себя скорее в западне, чем в безопасности. Тайсон и Джои Пицио стояли у красного «мустанга». Тайсон прижал Джои к машине, подался вперед и что-то сказал, но что, расслышать она не смогла. Потом он оттолкнул парня, довольно сильно. Джои сделал несколько нетвердых шагов, едва не упал, но устоял. Тайсон забрался в машину, захлопнул дверцу и газанул. Взвизгнула резина, и Джои осыпало гравием и песком из-под задних колес.

Парень пошел прочь от дома. Джанет распахнула дверь.

– Джои, подожди. – Он отмахнулся, не останавливаясь. Она сделала шаг к нему, но что-то ее остановило. – Господи, Джои, – тихо пробормотала она. – Не связывайся ты с ним.

Захлопнув дверь, Джанет пошла на кухню. Сумка из кожзама лежала рядом с рыболовным ящиком, где она ее оставила. Она засунула руку внутрь – пусто. Деньги исчезли.

Глава четвертая

Джанет стояла, тупо пялясь на пустую сумку. Кто? Но раздумывать не было времени. В доме еще две двери, в том числе наклонный люк в подпол. Джанет быстро смешала джин-тоник, чтобы успокоить нервы, обошла по периметру первый этаж, еще раз проверила заднюю и боковые двери, а потом спустилась в подвал. Уже защелкнув висячий замок на двери в подвал, она осознала, что не помнит, где лежат ключи от него. Она не пользовалась ими много лет. Когда Джанет поднялась по некрашеной лестнице из подвала, звякнул дверной звонок. Она застыла.

Чувствуя, как заколотилось сердце, она подкралась к парадной двери, боясь, что вернулся кто-то из мужчин. Но на крыльце стояла Лотти Прайд, затягиваясь сигаретой.

Повозившись с замком, Джанет наконец открыла дверь. Лотти оторвала горящий кончик сигареты большим и указательным пальцами и бросила на траву, где он погас. Окурочок она аккуратно положила в карман фланелевой рубашки.

– Все двери заперла? – спросила она. – Надо поговорить.

– Не обязательно было тушить сигарету, – сказала Джанет, впустив ее в дом. – Могу и выпить предложить, но у меня только джин с тоником.

– Алкоголь племенам на пользу не пошел. – Лотти вытащила недокуренную сигарету из кармана и прикурила от газовой плиты на кухне. – Я видела двух мужчин, – начала она.

Джанет отошла к кухонной столешнице и налила себе еще джина с тоником, с невинным видом отодвинув в сторону сумочку и ящик. Первый стакан проскочил незаметно, в голове слегка шумело.

– Долго тут сидели, ждали тебя, – продолжала Лотти. – Заметила их, когда вышла из краборазделочной. Утром приходишь, как будто всю ночь не спала, спрашиваешь про угрей, а потом появляется красный «мустанг». Я уже начала беспокоиться.

– Спасибо. – Джанет указала на стулья. – Не думала, что обо мне кто-то беспокоится.

– Ты взяла меня на работу. – Лотти села. – Я тебе должна. Пепельница есть?

Джанет быстро встала и подала гостье щербатое блюдо.

– Эти угри, – продолжала Лотти. – Скверное дело, лучше туда не лезть.

– С чего ты взяла, что я влезла? – Едва сказав это, Джанет поняла, что и правда влезла, сама того не заметив.

– Да так. «Мустанг». Я знаю, кто этот тип: он агрегатор. Без лицензии.

– Что еще за птица? – спросила Джанет. – В смысле агрегатор.

– Смотри, – начала Лотти, – есть законно лицензированная добыча угря. По сути, ею рулит мужик по имени Томми Б. Донован. Все рыбаки с лицензией на ловлю угря работают на него. Его называют королем угрей. Он агрегатор: собирает их улов. Но есть еще куча парней без лицензии. Ловят втихаря по ручьям и продают по нескольку унций – это обычно торчки или те, кого никто не берет на работу. Этот тип на «мустанге» скупает у них улов с миру по нитке и отправляет в Корею.

– Ага, – протянула Джанет, – так вот оно что. По весне возле моего ручья вечно гадят. Я гоняю их, если вижу там огни, – думала, мужики пиво пьют и ловят на живца. После них там кучи мусора, иногда даже приходится убирать.

– Мелкие сошки, – кивнула Лотти. – Наловят сорок-пятьдесят штук, ну может, пару сотен и продают агрегатору. А тот платит наличными, собирает улов и организует сбыт. Раньше это вообще было бесплатно, но новая губернатор ввела ограничения. Может, что-то и изменится, только я сомневаюсь.

– Я участвовала в ее кампании, – припомнила Джанет, – чтобы убрать Лестера Бердвелла. Тот набивал себе карманы и разорял штат. Худший губернатор за всю историю.

Лотти погасила окурок в пепельнице.

– Пока не вижу повода для восторга, – заметила она. – Уже было два губернатора, которые продержались только один день. От этой новой я тоже не фанатею. Она так ни разу нам не перезвонила. Поселенцы – белые – захватили промысел. А остальное добирает черный рынок.

Джанет усмехнулась.

– То есть мне ты не советуешь связываться с угрями, но сама готова.

– Не я лично. Губернатор ввела всякие новые правила, могла бы и признать интересы племен. Теперь при любой сделке нужно приложить карту, чтобы штат получал отчетность. Разные ограничения, лов только в сезон. И некоторые соблюдают требования – крупные конторы. И мы бы соблюдали, если бы коренным народам выдали лицензии. Но этот мужик на «мустанге» ничего не соблюдает. Он преступник, делец с черного рынка. Я бы не связывалась.

– Я его не искала, – возразила Джанет.

– Это не мое дело. Просто решила, что надо тебя предостеречь.

Джанет кивнула, они немного помолчали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.